

Храбрость

Потаенное сокровище

Жил когда-то человек по имени Джек Гилберт, он не имел ко мне никакого отношения, к большому моему сожалению.

Джек Гилберт был великим поэтом, но, если вы никогда о нем не слыхали, не смущайтесь. Это не ваша вина. Его никогда не заботила известность. Но мне он был известен, я нежно любила его – с почтительного расстояния, – так что, позвольте, я вам о нем расскажу.

Джек Гилберт родился в Питсбурге в 1925 году, там и вырос, в дымном и шумном промышленном городе. В юности он работал на сталелитейном производстве, но с ранних лет почувствовал призвание писать стихи. Он ответил на этот призыв без колебаний. Он стал поэтом так, как иные люди становятся монахами: относился к поэзии как к религии, как к акту любви, как к делу всей жизни, посвященной поиску благодати и высшей милости. Мне кажется, что это очень правильный способ становиться поэтом. Или еще кем-то, в зависимости от того, на что откликается ваше сердце и что пробуждает вас к жизни.

Джек мог бы стать знаменитым, но он за этим не гнался. У него были талант и харизма, но слава его просто не интересовала. Первый же его сборник, опубликованный в 1962 году, получил престижную награду Йельского университета для молодых поэтов и был номинирован на Пулицеровскую премию. Более того, он завоевал признание читателей и критиков, а ведь это не так уж просто для поэта в современном мире. Было в нем что-то такое, что притягивало людей и не отпускало.

Красивый, увлеченный и пылкий, Гилберт прекрасно смотрелся на сцене. Женщин тянуло к нему как магнитом, для мужчин он становился идиолом. Его фотографировали для журнала «Вог», на снимках он был великолепен и романтичен. Люди буквально сходили по нему с ума. Этот человек мог бы стать рок-звездой.

Вместо этого он исчез. Не хотел отвлекаться на всю эту шумиху. Со временем он признался, что слава была для него скучна – не то чтобы он находил ее аморальной или развращающей, а просто каждый день все было одно и то же, одно и то же. А ему хотелось чего-то другого, богаче, ярче, разнообразнее. Вот и бросил все это. Гилберт уехал в Европу и поселился

там на двадцать лет. Сначала он пожил в Италии, потом в Дании, но больше всего времени провел в пастушьей хижине на вершине холма в Греции. Там он постигал и осмысливал тайны вечности, наблюдал, как меняется свет, и в тиши писал свои стихи. Были у него свои истории любви, свои трудности, свои победы. Он был счастлив. Как-то сводил концы с концами, чем-то зарабатывал себе на жизнь. Он довольствовался малым. Допустил, что его имя почти забыли.

Через двадцать лет Джек Гилберт снова возвратился после долгого забвения и опубликовал новый сборник стихотворений. И снова литературный мир влюбился в него. Он снова стал знаменитым. И снова скрылся – теперь на десять лет. Такой у него был стиль: уединение, затем публикация чего-то невероятно мощного и снова уединение. Гилберт напоминал редкую орхидею, у которой от цветения до цветения проходит много лет. И никогда ни в малейшей степени он не рекламировал себя. (В одном из тех немногих интервью, которые Гилберт дал в своей жизни, его спросили, как, по его мнению, такой уединенный образ жизни повлиял на его карьеру. Он рассмеялся и ответил: «Похоже, это ее сгубило».)

Я узнала о Гилберте исключительно по той причине, что уже на склоне лет он вернулся в Америку и – по соображениям, которых мне никогда не узнать, – устроился временным преподавателем писательского мастерства в университете Теннесси в Ноксвилле. Так совпало, что через год, в 2005-м, я получила ту же должность. (В университете даже начали посмеиваться, называя нашу кафедру «кафедрой Гилбертов».) Я обнаружила книги Джека Гилберта у себя в кабинете, который заняла после него. Казалось, комната будто еще хранила тепло его присутствия. Я читала его стихи, и они поразили меня масштабностью, они неожиданно напомнили мне Уитмена. («Мы должны отважиться на восторг, – писал он. – Мы должны набраться упрямства, чтобы быть счастливыми в беспощадном горниле мира сего».)

Мы с ним однофамильцы, занимали одну должность, даже один кабинет, мы учили одних и тех же студентов, а теперь я еще и влюбилась в его слова – неудивительно, что в итоге этот человек меня очень заинтриговал. Я всех расспрашивала: кто он такой, Джек Гилберт?

Студенты отвечали, что это самый выдающийся человек из всех, кого им доводилось встречать. Казалось, будто он немного не от мира сего, сказали они. Он словно постоянно пребывал в состоянии восхищения, восторгался и их призывал к тому же. Он в основном учил их не тому, *как* писать стихи, сказали они, а тому, *зачем*: от восторга. Из-за своего упрямого счастья. Он говорил им, что они должны прожить жизнь как

можно более творчески, потому что это поможет им противостоять беспощадному горнилу нашего мира.

Особенно часто, однако, он призывал своих учеников быть смелыми. Без смелости, объяснял он, им ни за что не удастся осознать, как расширяются границы их собственных возможностей. Без смелости им не познать мир в его полноте настолько, насколько он жаждет быть познанным. Без смелости жизнь каждого из них будет незначительной и мелкой – куда более мелкой, чем им, вероятно, хотелось бы.

Я так и не встретила с Джеком Гилбертом лично, а теперь его уже нет – он скончался в 2012 году. Наверное, можно было поставить себе такую задачу – разыскать его и познакомиться, пока он еще был жив, но я, признаюсь, не стремилась к этому. (Опыт научил меня быть осторожнее с личными встречами – они подчас несут страшное разочарование.) Так или иначе, мне нравилось место, которое Джек Гилберт занял в моем воображении, каким он рисуется мне благодаря своим стихам и всему, что я о нем слышала. Вот я и решила, что ограничусь таким знакомством – в воображении.

Но я никогда не забуду слов, которые сказал однажды реальный Джек Гилберт, и сказал он их реальному человеку из плоти и крови, застенчивой студентке университета Теннесси. Эта девушка рассказала мне, как однажды после семинара Джек отвел ее в сторонку. Он похвалил ее работу, а потом спросил, чего она хочет в жизни. Девушка засмушалась, но все же призналась, что хочет стать писателем.

С бесконечно сочувственной улыбкой Гилберт спросил: «А смелости у вас хватит? Смелости на то, чтобы дать этому выплеснуться? Сокровища, которые таятся у вас внутри, надеются, что вы ответите *да*».

Творческая жизнь, определение

Это, я считаю, центральный вопрос, ответить на который пытаются все живые создания: *хватит ли тебе смелости вытащить на белый свет все сокровища, спрятанные у тебя внутри?*

Видите ли, я представления не имею, что там скрыто внутри вас. Откуда бы мне это узнать. Возможно, вы и сами не очень-то в курсе, хотя, подозреваю, какие-то намеки замечали. Мне неизвестны ваши способности, я знать не знаю, что вас вдохновляет, каковы ваши желания и скрытые таланты. Но наверняка там, у вас внутри, таится что-то потрясающее. Заявляю это с полной уверенностью, потому что (так уж я

устроена) верю, что все мы – ходячие хранилища потаенных сокровищ. Я верю, что это очень древняя и очень щедрая проделка, игра, в которую природа играет с людьми, к своему и нашему удовольствию: природа прячет в каждом из нас необычные драгоценности, а потом отходит в сторонку и смотрит, сумеем ли мы их найти.

Охота за этими скрытыми в нас сокровищами – вот что такое творческая жизнь.

Отчаянная храбрость, которая гонит нас на эту охоту, – вот что превращает серые будни в более яркую жизнь.

Результаты этой охоты, которые часто оказываются для нас сюрпризом, – вот их-то я и называю Большим волшебством.

Насыщенное бытие

Когда я говорю здесь о творческой жизни, пожалуйста, помните: я не обязательно имею в виду, что надо посвятить жизнь исключительно профессиональному искусству. Я не утверждаю, что вы должны стать поэтом и поселиться на Олимпе, выступать в Карнеги-холл или получить Золотую пальмовую ветвь на Каннском фестивале. (Хотя, если вы захотите достичь какой-то из этих целей, *приступайте*, я обожаю дерзких авантюристов и мечтателей.) Нет, упоминая творческую жизнь, я говорю о ней в более широком смысле слова. Я веду речь о жизни, в которой человеком руководит больше любознательность, чем страх.

Вот, скажем, один из самых ярких примеров творческой жизни – моя подруга Сьюзен, которая увлеклась фигурным катанием в возрасте сорока лет. Вообще-то, кататься на коньках она давно уже умела. В детстве она занималась фигурным катанием и всегда обожала его, но ушла из этого спорта в подростковом возрасте, когда стало понятно, что ей недостает таланта, чтобы стать чемпионкой. (Ох уж эти подростковые годы, когда кого-то торжественно объявляют талантливым и выделяют из толпы, взваливая на хрупкие детские плечи бремя чужих надежд, а прочих сверстников при этом обрекают на банальное, лишённое вдохновения существование! Ну что за система...)

Прошло чуть больше четверти века – моя подруга Сьюзен не каталась на коньках. Чего ради стараться, если не можешь быть лучшей? Потом ей исполнилось сорок. Она стала вялой и апатичной. Но в то же время нервной. Она чувствовала, как становится незаметной серой мышью. И вот Сьюзен провела небольшую переоценку ценностей – многие так

делают, когда у них юбилей. Она спросила себя, когда в последний раз ей было легко, радостно и когда она – да-да! – испытала *творческий порыв* и при этом чувствовала себя по-настоящему собой. К своему ужасу, она поняла, что с той счастливой поры миновали долгие десятилетия. Оказалось, все это она испытывала подростком, катаясь на коньках. Сьюзен была просто в шоке, осознав, что так долго подавляла в себе эту жизненную потребность. Потом ей стало интересно: а не прошла ли у нее любовь к катанию?

Она пошла на поводу у своего любопытства. Купила коньки, нашла каток и записалась к тренеру. Внутренний голос твердил, что она просто потакает своим нелепым и безумным прихотям, но Сьюзен не стала его слушать. Она подавила даже неловкость от того, что оказалась единственной великовозрастной тетей среди девятилетних малышей.

Она просто занималась.

Три раза в неделю Сьюзен вставала затемно и, пошатываясь спросонья, отправлялась кататься на коньках до начала долгого трудового дня. Она каталась, каталась, каталась... И выяснила, что это по-прежнему восхитительно. Теперь ей даже больше нравилось кататься, ведь, став взрослой, она наконец-то оценила, как важна сама возможность радоваться жизни. На коньках она почувствовала себя активной и юной. Она перестала казаться себе среднестатистическим потребителем, безликим исполнителем повседневных задач и обязанностей. Она начала осознавать себя как личность, решившись сделать что-то *с собой*.

Это был поворот. Поворот в буквальном смысле, как будто Сьюзен, раскрутившись на льду, развернулась лицом к жизни – поворот за поворотом и новый поворот...

Пожалуйста, обратите внимание: моя героиня не ушла с работы, не продала дом, не порвала ни с кем отношений и не переехала в Торонто, чтобы оттачивать мастерство под руководством тренера олимпийского уровня. Заметьте также, что в конце истории Сьюзен не получила медаль и не стала чемпионкой. Такого финала и не должно быть. На самом деле история вообще еще не окончена, потому что Сьюзен *до сих пор* по несколько раз в неделю катается по утрам на коньках. Просто потому, что катание для нее – это лучший способ *выявить какую-то красоту* и выйти за рамки обыденности в своей жизни – то, чего она не могла добиться иными способами. И пока она еще здесь, на Земле, ей хочется как можно больше времени проводить за рамками обыденности.

Вот и все.

Это я и называю творческой жизнью.

И хотя способы реализации и результаты творческой жизни могут кардинально отличаться у разных людей, я с гарантией могу утверждать следующее: творческая жизнь – это жизнь насыщенная и яркая. Это грандиозная жизнь, счастливая, разнообразная и чертовски интересная. Жить так – упорно и постоянно извлекая на свет сокровища, затаенные у вас внутри, – это уже искусство *само по себе*.

Потому что в творческой жизни всегда присутствует Большое волшебство.

Страшно, страшно, страшно

Теперь давайте поговорим о храбрости.

Если вам уже хватило отваги вытащить на свет спрятанные в вас сокровища, восхитительно. Возможно, ваша жизнь уже полна интересных вещей. И эта книжка вам не нужна. Это классно.

Но если вам недостает смелости, давайте попытаемся найти ее. Ведь творческая жизнь – это дорога отважных. Мы все это знаем. И все мы знаем, что, когда храбрость иссякает, творческие силы иссякают вместе с ней. Знаем, что страх – унылый пустырь, куда отправляются наши мечты и где они высыхают на палящем солнце. Это общеизвестно – вот только мы порой просто не знаем, как с этим быть.

Дайте мне перечислить лишь несколько из множества страхов, которые могут мешать вам жить творческой жизнью.

Вы боитесь, что у вас нет таланта.

Вы боитесь, что вас отвергнут, или раскритикуют, или высмеют, или неправильно поймут, или – самое ужасное – проигнорируют.

Вы боитесь, что на ваше творчество не будет спроса, а значит, незачем и стараться его реализовывать.

Вы боитесь, что у кого-то это получится лучше, чем у вас.

Вы боитесь, что у всех это получается лучше, чем у вас.

Вы боитесь, что кто-то украдет ваши идеи, так что безопаснее навечно спрятать их в темноте под спудом.

Вы боитесь, что вас не воспримут всерьез.

Вы боитесь, что ваша работа имеет недостаточное политическое, эмоциональное или художественное значение, чтобы изменить чью-нибудь жизнь.

Вы боитесь, что ваши мечты неприличны.

Вы боитесь, что однажды, оглянувшись на результаты своей

творческой деятельности, поймете, что это была огромная трата времени, сил и денег.

Вы боитесь оказаться недостаточно дисциплинированным.

Вы боитесь, что у вас не окажется подходящего рабочего пространства, финансовой свободы или не найдется времени, чтобы сосредоточиться на изобретениях или исследованиях.

Вы боитесь, что у вас не окажется достаточных навыков или знаний.

Вы боитесь, что вы слишком толстый. (Уж не знаю, какое отношение это может иметь к творчеству, но, как показывает мой опыт, многие из нас считают себя слишком толстыми, так включим для полноты картины и этот пункт в наш список опасений.)

Вы боитесь, что вас сочтут графоманом, глупцом, дилетантом или нарциссом.

Вы боитесь огорчить членов своей семьи тем, что они, возможно, о вас узнают.

Вы боитесь того, что могут сказать ваши партнеры или сотрудники, услышав ваши личные признания.

Вы боитесь выпустить на волю своих потаенных демонов, вам совсем не хочется встречаться с ними.

Вы боитесь, что лучшие ваши достижения уже остались в прошлом.

Вы боитесь, что у вас никогда и не было лучших достижений.

Вы боитесь, что так долго отрицали в себе творческие способности, что теперь их уже не вернуть.

Вы боитесь, что вы уже стары, чтобы начинать.

Вы боитесь, что вы чересчур молоды, чтобы начать.

Вы боитесь, потому что однажды в жизни вам что-то удавалось, все шло хорошо, и очевидно, что так хорошо быть уже не может.

Вы боитесь, потому что в вашей жизни ничто и никогда не шло хорошо, так зачем пытаться?

Вы боитесь стать однодневкой.

Вы боитесь не стать даже однодневкой...

Слушайте, не буду я перечислять все возможные страхи, это может занять целый день, а у меня его нет. Список, во всяком случае, бесконечный и очень удручающий. Я просто резюмирую вышеперечисленное таким образом: СТРАШНО, СТРАШНО, СТРАШНО.

Все вокруг чертовски страшно.